УДК 94(47).084.1
УДК 94(47).084.2

Г. З. Иоффе

Военно-диктаторская альтернатива в 1917 г. (заметки с чужой стороны)

Замечательную метафору в «Былом и думах» использовал А. И. Герцен: у истории много дверей, ходов и выходов. Точно так было и в России в приснопамятном 1917 г. Пала монархия, и перед страной открылось несколько путей государственного развития.

Не исключено, мне кажется, что могла быть учреждена и конституционная монархия, если бы думские либеральные посланцы не склонили сомнительными доводами великого князя Михаила к отказу от престола (условному).

В стране установился буржуазно-демократический строй, что было тогда, пожалуй, наиболее естественным, поскольку либералы и демократы в течение многих лет выступали против самодержавия, а в февральско-мартовские дни способствовали крушению монархии.

Но всякая революция радикализуется. Уже в апреле (особенно в связи с приездом в Россию такой мощной политической фигуры, как Ленин) стало крепнуть и шириться движение не только за политические перемены, но и за обобществление собственности — социалистическая альтернатива буржуазной демократии. Но она не была единственной.

Да, в феврале Петроград охватила демократическая эйфория, но она всё же не была ни долгой, ни всеобщей. Так и видится вполне современный тому периоду человек, стоящий подле задернутых штор и в щелочку наблюдающий за февральскими демонстрациями с их лозунгами «Долой самодержавие!», «Долой войну!», «Да здравствует демократическая республика!». На лице человека сменяются выражения злости, издевательской насмешки, отчаяния. И может быть, он думает, как В. Шульгин, писавший о себе в «Днях»: «Пулеметы бы сюда, пулеметы!» Этот человек во многом — типаж. И по мере радикализации и усугубления «настроения», вызванного ею, людей с подобными чувствами и настроениями в разных общественных группах должно было становиться всё больше. К июню 1917 г. наглядно проявило себя правое движение, стремящееся положить конец революционно-демократической «смуте» путем установления «твердой власти» — «диктаторская», вернее сказать, «военно-диктаторская» альтернатива демократии.

Движущая сила этой альтернативы находилась в армии. Февральский переворот в целом она приняла спокойно. Николай II не пользовался популярностью в военных кругах. Но спокойствие это довольно быстро заканчивалось. Внедрение и продвижение меньшевистско-эсеровским ВЦИКом и Временным правительством демократических факторов в давно устоявшуюся армейскую структуру (учреждение войсковых комитетов разных уровней с их вмешательством не только в хозяйственные, но и боевые вопросы, проведение солдатских собраний, митингов и т.д.) — всё это весьма хмуро, а в глубине душ и не без вражды, встречали значительная часть командования, генералитет, высшее и среднее офицерство. Среди них, конечно, имелись монархисты, но монархическим, реваншистским это движение не было. За время войны офицерский корпус изменился. Большинство в его составе уже не было выходцами из привилегированных классов. Их деды и отцы принадлежали к средним и даже низовым (крестьянство) слоям. Но для этих людей, воспитанных в крепких традициях Русской армии, в национально-патриотическом духе, слово «Россия» значило намного больше, чем слово «революция». И демократизация армии была для них ее развалом, а развал армии — поражением России в войне и длительным ее прозябанием в мире, если не крахом.

В своих устремлениях эти люди — сторонники диктатуры — не были полностью изолированы. Если рабочий класс и «либеральствующая» интеллигенция были им политически чужды, то на широкую обывательскую массу (мелкое чиновничество, торговцы, ремесленники, люд, как тогда говорили, принадлежавший к «партии КВД» (Куда ветер дует)), они вполне могли ориентироваться. В канцелярии главы Временного правительства хранится множество писем, в которых либералы и демократы обвинялись в незнании России и ее народа, в непонимании катастрофичности ими содеянного. И звучало требование уйти, пока еще не поздно.

Диктаторскую альтернативу 1917 г. обычно связывают с именем генерала Л. Корнилова. Но до него на роль фактического диктатора выдвигалась другая личность — вице-адмирал А. Колчак, который позднее на протяжении более года противостоял Советскому государству как Верховный правитель России.

В 1916 г. царь назначил А. Колчака командующим Черноморским флотом. Адмирал долго держал флот в «крепких руках», но в июне вошел в острый конфликт с Севастопольским советом, который стал настойчиво вмешиваться в его командные прерогативы. Дело кончилось отставкой Колчака, и он уехал в Петроград. Там его встретили как героя. Проходили демонстрации и митинги с лозунгами, провозглашавшими Колчака спасителем отечества, требовавшими передать ему власть и т.п. Это встревожило Временное правительство, и Керенский в сущности выпроводил Колчака в США, куда тот был приглашен американскими моряками.

Но «свято место» пустым остаться уже не могло. В середине того же июня Временное правительство организовало большое наступление, рассчитывая в случае его успеха укрепить свое положение. Основной удар наносил

Юго-Западный фронт. Сначала наступление шло успешно, но потом захлебнулось и превратилось в отступление, а местами — в беспорядочное бегство. В этом хаосе наибольшую боевитость и устойчивость проявила 8-я армия генерала Л. Корнилова. И начался его невероятный взлет. В июне он командовал армией, а в середине июля уже стал Верховным главнокомандующим!

О Корнилове написано много, однако его политическое лицо не очень определенно. В 1917 г. он не был монархистом, но не был и либералом-республиканцем.

Скорее всего, он был русским патриотом, желавшим видеть Россию могущественной, великой, что, как он считал, в сложившихся обстоятельствах можно достигнуть введением «твердого порядка». Но вот тут перед ним, вероятно, как раз возникал нелегкий вопрос: возможен ли этот «порядок» в соглашении с Керенским (как говорил Б. Савинков, под красным знаменем Керенского и его, Корнилова, «сильной рукой») или следует... отправить правительство Керенского туда же, куда и всю революционную демократию?

Представляется, что в Ставке, в окружении Корнилова существовали два направления. Одни (во главе с генералом А. Крымовым) считали необходимым действовать решительно, проведя полную антиреволюционную «зачистку». Более умеренные полагали, что манкировать Керенским не следует, лучше действовать легально, ожидая принятия им представленной Корниловым программы («армия на фронте, армия в тылу, армия на железных дорогах»). Обе группы имели сторонников в Союзе офицеров армии и флота (при Ставке) и негласном «корниловском комитете» (тоже в Ставке). Сам Корнилов, по-видимому, колебался, склоняясь пока на сторону «умеренных», а там...

Разногласия по вопросам тактики выступления того, что получило известность как «Корниловщина», «Корниловский путч», длились бы какое-то время, если бы не были прерваны... Керенским и его заместителем по военному ведомству Б. Савинковым.

В 20-х числах августа по поручению Керенского Савинков прибыл в Ставку. Там было согласовано, что для укрепления обороны Петрограда, а главное — на случай предполагаемого выступления большевиков в полугодовщину Февральской революции Ставка перебросит к Петрограду крупные фронтовые части. И к Петрограду двинулись 3-й конный корпус под командованием генерала Крымова и так называемая Туземная конная дивизия под командованием генерала Багратиона. Уже во время похода этих войск Корнилов объединил их в Петроградскую армию под командованием Крымова. Если бы она вошла в Петроград, содеянного ею (во всяком случае революционным демократам) вряд ли бы показалось мало...

Неизвестно, что в действительности замыслил Корнилов, получив неожиданный «подарок» Керенского. Думал ли действовать в рамках соглашения с Керенским или решился на государственный переворот? Но когда войска уже находились на дальних подступах к Петрограду, Керенский, неожиданно разорвав соглашение с Корниловым, объявил его изменником, замышлявшим свер-

жение демократического режима. Войска приказом Керенского были остановлены, а Корнилов взят под арест. Вызванный в Петроград Крымов застрелился.

Самоубийство Крымова (вообще его личность) как-то мало привлекало внимание. А это, думается, существенный факт в истории «Корниловщины». Оно может пролить некоторый свет на одну из главных причин ее провала. Перед смертью Крымов написал Корнилову записку. Корнилов читал ее, когда вошедший в его кабинет генерал А. Лукомский спросил: что же написал Крымов? Корнилов ответил, что в ней нет ничего интересного, порвал записку в клочки и бросил их в корзину.

Вряд ли это было правдой. Будь это так, записку не нужно было бы рвать в клочья. Вероятнее всё же, что Крымов упрекал Корнилова в том, что тот слишком «увяз» в политиканстве с Керенским, тогда как следовало действовать против него с максимальной решительностью.

Если это предположение верно (а основания для него есть), то нельзя не признать, что с точки зрения сторонника военной диктатуры генерал Крымов был прав. Да, Корниловское движение не было «обеспечено» партийно-политически. И в этом была его слабость. Но, как вспоминал Троцкий, известия о приближении кавалерийских войск с фронта привели к тому, что «Петроград замер».

Оружие бьет политику. Правая, военно-диктаторская альтернатива в 1917 г. могла реализоваться, ведь и левая, социалистическая альтернатива реализовалась в конце концов во многом благодаря оружию и решительным действиям Ленина, Троцкого и других большевиков.

УДК 94(47).084.1
УДК 94(47).084.2

С. В. Стариков

Левосоциалистическая альтернатива в Великой Российской революции 1917–1918 гг.

Как известно, февральские события 1917 г. послужили только началом революционного процесса. Его демократический этап оказался очень кратковременным. Временное правительство из представителей либерально-демократических партий, а также умеренно-социалистический блок в лице меньшевиков и эсеров достаточно быстро исчерпали